

Дожливый апрельский денек 1983 года. С седьмого этажа здания «Пермнефти» видно, как на асфальте морщатся лужи, как ветер беззвучно расплескивает их. Циклон из Атлантики достиг Москвы и идет на нас, на Пермь, северо-восточный угол Европы.

Звонок: пожаловал директор подшефного совхоза «Постаноговский» Нытвенского района Юрий Петрович Абатуров. Нужно ехать на посевную. Он хвалил нашего научного сотрудника Николая Постникова — тот с напарником отремонтировал комбайн СКД-5 и на нем рожь убирал, в конце концов

семью из Перми в деревню перевез. Еще пример: завлаб Юра Фадеев овладел специальностями и механизатора, и помощника комбайнера. Сейчас он, как механик, будет налаживать *ромбы*, то есть семяочистительный комплекс.

У меня в секторе НЛО («Нефтегазоносные Ловушки») девять разгневанных женщин, как их пошлешь: одна больна, у другой дите с «жидким стулом», третья сказала, что у нее реальные проблемы, четвертая заявила, что вообще никуда не поедет, и так далее.

На станции Григорьевская нас встречал ГАЗ-63 с нарощенными бортами, один из которых был покорежен, со скамьями, но без тента. С тентом — это груз-такси, «грусть-тоска». Ждали шофера Митрича.

Кто-то перегнулся через борт. Я удивился:

- Миша? Смородинов? Ты куда?
- В Постанови, к Возженникову.
- Так поехали с нами!

Мишка влез неловко, студенточки из фарминститута завизжали.

Еще кто-то перегнулся через борт.

— Смородинова среди вас нет? Есть Смородинов?

Я не успел рассмотреть учителя истории, приехавшего на разбитой «Ниве» встречать пермского поэта Смородинова.

Пришел шофер, узловатый палец замотан синей изолентой.

Володя Спасибко спросил:

— Митрич, что с бортом?

— Это самое... Остановили меня у поста двое — приказали везти в Зюкайку. Я говорю: «Надо заправиться маслом». — «Нет, поехали». — Но я остановился у заправки. Сказал одному: «Бери талон, отдай заправщице». Другому: «Возьми у таксиста емкость, заправимся по-быстрому». Тот пошел. Тут я как дал по газам! Где-то о бетонный забор *бзданулся*.

— Бортоломео!

Спасибко развлекал девочек.

— Товарищи, с нами едут два замечательных писателя — Фадеев (Юрий Иваныч погрозил ему пальцем) и Некрасов, правда, почему-то не Николай Алексеевич, как положено, а Александр Сергеевич.

Про постановоговского учителя истории Валерия Возженникова я кое-что знал. В детстве он жил на Сахалине. В те годы, когда наша партия искала нефть в одной из межгорных впадин Сихоте-Алиня, он рядом служил в ракетных войсках. От «левого до правого плеча России который час лопатит самолет», от самых «курильских ногот-

ков» — такие стихи не могли не нравиться. Будто про него слова Вершинина из пьесы Чехова «Три сестры»: «Вас заглушит жизнь, но все же вы не исчезнете, не останетесь без влияния». Это и про сельских учителей тоже.

Проветриваем общагу. Спасибко сказал, что надо вывести дух «казармы Монкадо». Туалет вполне приличный, некогда сработанный нашим другом Анваром Нигматуллиним и Юрием Трутневым — будущим пермским губернатором, а затем министром природных ресурсов России и полпредом Президента по Дальнему Востоку. Храпунчиков оказалось четверо. Их перевели за печку. Действительно, интерференция звуковых волн с их отражениями от шероховатой поверхности печной стены в значительной мере гасила чудовищный храп.

В общагу привезли тележку дров. Фадеев сказал девочатам, что за пять поцелуев наколет дров для бани.

Начальник у нас — молоденькая Алевтина. Учетчица — красивая Галя с железным зубом. Нина Ивановна — завстоловой, тоже важный человек. Бригадир — в кепке из кожзаменителя и в такой же куртке — спокойный, усталый, с крупными морщинами. Каждый день, в любую погоду надо работать. Если он заболит, что маловероятно, то кажется, что все рухнет. Оперативки проходили под открытым небом возле стада тракторов, по большей части *больных*. Если шибко плохая погода, теснились в кузнице.

Меня определили на одноместную селялку — на подкормку озимой ржи белыми шариками мочевины. Когда прогрелась земля, сеяли овес с горохом. Потемневший, сочащийся влагой снег еще лежит по склонам низин. Подснежники кучно жмутся к снежным полосам, им нужна влага. До нас доносится их нежный свежий запах. Там, где земля прогрета, подснежников уже нет. Герман Михайлов — удивительно похожий на Пьера Безухова, гидрогеолог и вообще знаток природы, говорит, что у нас не подснежник, а ветреница дубравная. Высоко

по рельефу по полю идет влажная полоса — мочажина. Гера объяснил: это водоносная линза, с выклиниванием на склонах (иногда проявляется в виде ключей), сверху перекрывается глиной.

В эту-то глину, в эту хурму мы и угодили со своим колесником. Рыжий тракторист Федя сказал, что «на той едучей глине он трактор на хрен поставил». Колесник, как конь, наклоняясь и воя, рывками бросался вперед. Когда выбрались на сухое, канал для зерна был забит лаптями глины. Я прочистил его тряпкой, намотанной на изогнутую проволоку, и зерно, наконец, потекло. Гера показал мне, как идут по водоразделам линейные мобильные зоны, которыми занимался наш сектор НЛО.

Восьмиклассник Шурик на колеснике «Владимирец» возил семена. Шурик в танкистском шлеме, маленький, с плохими зубами. Сорт овса называется «Орел», поэтому Шурика тоже зовут «орлом».

Михайлов жестко заметил:

— На браге зачатый.

Я спросил парнишку о Возженникове — он сейчас не директор школы, а снова учитель истории, права и рисования.

Шурик ответил с гордостью:

— Валерий Леонидович — наш лучший учитель.

Федя к концу дня стал спешить:

— Сколько можно работать, когда-то надо и вино пить.

Поставил подачу зерна на максимум и погнал по полю.

— Зерно течет! — закричал я.

— Ладно, поехали, надо вино пить. Пока коршунье не налетело.

А тут и Абатуров подъехал:

— Докладываю, товарищи. Всего надо посеять 1900 га. План сделан на 12 процентов. Нас сдерживает подготовка почвы. Старики говорят: начинать Большой сев надо не позже шестого мая — на Егория. Лето будет сухое — береза уже пускает лист. Когда на березе лист будет с копейку, сев надо кончать.

Обрадовал: вводится местная валюта — картонные квадраты с печатью и кудрявой подписью — «Абатуров».

Тени сгущались, солнце заваливалось за елки. Мотоцикл с включенными фарами, как мотылек, спускался и поднимался по белеющей дороге, и она казалась скамеечной.

***

1 мая. — Доброе утро!

Но утро не может быть добрым, если оно начинается с натягивания сырых резиновых сапог.

Подвезли подсолнух, горох. После обеда надо было ехать за удобрениями, но шофер Митрич по дороге дернул браги, или кваса, как ее здесь называют.

Алевтина сказала:

— Отдыхай, Митрич.

— А ты не выступай (с вытянутым кулаком).

Пришла наша институтская машина с тентом. Шофер Юра с ходу напил и за удобрениями тоже не поехал.

— На черта нам прислали такого шофера.

Тракторист Коля мечтательно сказал:

— Я тоже такой. Как выпью — сразу надо на трактор и на весь газ! Куда-то мне ехать надо!

Наш тракторист — Володя. Ходит так: левое плечо вперед, потом правое, при этом косолапит. Говорит на чистом мате, понимать его трудно. В разговоре с девушками употребляет выражения вроде «флядский род» — это для него изысканный оборот, а вовсе не ругательство.

Вечером отмечали праздник.

Евгений Ильич Болотов:

— Помню 1952 год, тоже Первомай. Был я на практике в Средней Азии. Денег у меня ни копейки. Рабочие все неграмотные, я им писал автобиографии за пять рублей штука. Поднялись в горы, там тетя Маня на довольствие поставила. Сурьмяное месторождение Турк-Парида, актинолит добывали. Отпалка — успевай рот открывать! В чайхану пришли — там давали ногу барана на двоих. Взяли манты, шарханули бутылку араки.

Михайлов:

— Что вы, черти, приуныли?

Евгений Ильич:

— Как не загрустишь? Лампочку на сорок ватт в сортире опять сперли.

Михайлов:

— Евгений Ильич, как кто из наших идет до ветру, выдавай лампочку Ильичу. Пришел — верни лампочку Ильичу. Лучше я расскажу, как мы со студентами открыли нефтяное месторождение в западной части Соликамской впадины, мало того, что до поискового бурения, но и до проведения на нем сейсморазведочных работ.

— Как же вы его открыли без сейсморазведки?

— Представьте себе большое озеро. Ведь залежь дышит, и дышит она ароматичной — бензолом и толуолом. Это называется вертикальная миграция нефти, отсюда идея прямых поисков. Другое дело, что уровень помех может превысить уровень сигнала. Одни студенты на лодках отбирали пробы воды. Как определить, откуда взяли пробу? Другие ребята стояли с фонариками и компасами по периметру озера. Местоположение пробы — на скрещении лучей трех фонариков. Потом в пробах определяли содержание ароматики. А? Блеск! Месторождение назвали Озерным. А потом, как это часто бывает, о гидрогеологах было забыто.

— Как о батарее капитана Тушина.

— Точно так.

— И о премии было забыто?

— Конечно.

Спасибо:

— Что такое — зеленое, хрустит, но не деньги? — Пятьдесят рублей. — Что такое — не хрустит, незеленое, но деньги.

— Абатуровки! — догадался Михайлов и захохотал.

— Вы знали, вы знали!

Утром проснулись — идет мокрый снег.

— Погода не Фонтенбло.

— У природы нет плохой погоды.

На ключике бабулька набирала воду.

— Баушка, в такую погоду можно сеять?

— Так это не снег, робяты. Это навоз, это говно. Это хорошо. Это вода. Это не снег, это отжимки. Навоз — это говно, это хорошо. Как-то на Троицу пал вот такой снег, а хлебы какие хорошие выросли.

Старенькая, ведра таскает.

— Я сейчас не роблю, пенсию получаю.

— Сколько пенсия-то?

— Да колхозна.

— Сколько же?

— 45 рублей. Мне хватат.

— Что-то Алевтину не видать.

— К Алевтине Степановне жених приехамши.

Событие: появился беглый ээк. Говорили, что ему дали сперва год, потом еще добавляли. Некоторые видели, как он выходил из бани. Студентки напуганы — да еще ночью им ударили из рогатки в окно. Тем не менее они активно кантарят мешки с семенами, навели чистоту. На сусеках вывели фломастером: рожь «Саратовская-29», овес «Стрела», «Орел». Шофера Митрича девушки лечили чистотелом. Говорят: «Митрич нам сказал: «золотые вы мои...» — гордятся!

Алевтина дала в работу маленькое поле овса с подсолнухом. Шофер Иван Федорович взял у Евгения Ильича выражение: «Не гони волну». Он живет в одном доме с Возженниковыми. Жена Ивана Яковлевича преподает в младших классах. Дети, по ее словам, все хуже и хуже — на браге-то.

Приехал Абатуров. Долго хвалил нас, шефов:

— Раньше мы не сдавали хлеба, нынче сдадим четыреста тонн. Без ромбов мы замаялись с семенами, закупали нерайонированные. Строить типовой комплекс на четыре тыщи тонн себе в убыток.

Разволновался:

— Ладно, что вы спроектировали комплекс на тыщу тонн. Исключили лишние механизмы, теперь зерно не травмируется. Первая очередь — просушка и сортировка. Вторая очередь — снова сортировка и калибровка семян. Все это благодаря Фадееву и Некрасову...

— Писатели наши, — заметил Михайлов.
— ...Шефы — это все: сев, уборка, сенокос, корма — сено, силос, зеленые гранулы. Работают...

— ...до белых комаров.
— Что это значит?
— До снега.

Абатуров помолчал, снял фуражку-восьмиклинку. Потом сказал:

— Завтра начинаем сеять *Большую рожь*.
— Лист на березе уже стал с копейку.
— Наполеон как нас учил? Сначала надо ввязаться в драку, в сев то есть, а там видно будет.

***

Расширенная оперативка возле кузницы по поводу Большого Сева.

Высокий, красивый тракторист, похожий на Жана Марэ. Я заметил — он гайки крутит с удовольствием. Тракторист Афанасий с зачьей губой не расстается с ломиком — все им делает. Его так и зовут — Афоня с ломиком. Жан Марэ сказал Афоне, когда у него полетела масляная трубка:

— Выбрось ее, так, чтобы не видать, куда упала.

— А где, скажи, взять новую?

Рыжие механизаторы Федя и Слава — женатые, живут в новом доме. Оба, похоже, пьют.

— Они все задиристые, — сказал севарь Виктор Яковлевич Горохов, муж Нины Ивановны.

— Колька не задиристый, он наглый.

Главный агроном Виктор Иванович Хомутов, черный, как грач, снял его, бензовоза, с сева.

— Если мы все так будем делать, если все будем так пить, что тогда будет? А? Уходи домой, чтобы я тебя здесь не видел.

Горохов горделиво рассказывал:

— Вчера пришел домой, сходил в столовую, принес теплой воды, вымыл голову яичной шампунью. Сел пиво пить. Колбасы поел. А потом заснуть никак не могу.

Эти необычные для деревни предметы — пиво, шампунь, колбаса, скорее всего, добыла Нина Ивановна.

***

Начальство определило: на трехрядной сеялке три севаря — один местный и двое нас, «мобилизованных». Мы с Сашей Вагановым из михайловской лаборатории охраны среды и экологии знали, как зовут нашего напарника — Витя Серебров. Он ладный, спортивный, похож на Адика из гедезэровской телевизионной программы «Делай с нами, делай как мы, делай лучше нас». На нас он не обращал внимания, даже не интересовался, как зовут. Наш тракторист — матерщинник Володя.

Слежавшиеся комки удобрений — нитроаммофоски из плотных пластиковых мешков — надо разбивать кувалдой и прочищать засорившиеся каналы изогнутой железякой. Зерно — в мешках из-под кубинского сахара.

Мы сеем по краю поля. Неподалеку работает бригада — Спасибко Володя, Сиринов Володя, могучий сварщик Игорь, варил две нитки трубы Уренгой — Петровск, «Северное сияние». Игорь и в отпуске шабашил. Ставили дом для главного зоотехника. Абатуров сулил 4000 рублей, если построят за месяц. Он высоко ценил «Спасибкострой». Молдавские шабашники — те соединяли брус не шкантом, как спасибковцы, а гвоздями.

Гремит магнитофон «Весна». Володя Спасибко кричит мне:

— Специально для вас, Семигудыч! Мелодии тридцатых годов: «Дым», «Рио-Рита». Учтите — архивные записи.

*Моего отца ты
Помнишь молодым,
Музыка тридцатых
Про любовь как дым...*

Новости. Слава пил с беглым в заброшенной бане:

— Глаза у него дикие. В магазине сказал бабке, которая долбила, что никого не пустит без очереди: «Еще раз вякнешь — в окно вылетишь».

Еще событие. Появились кабаны — трактористы видели. Еще видели медведя, он пил из ручья. Шесть волков вышли из леса — пастухи видели.

Ожидание удобрений. Подошли дети — два брата. Гриня — старший, перешел в третий класс, Сережу прозвали Чайкой. Мама Валя работает на ферме, отец — пастух. Гриня с отцом-то и видел волков — шестеро вышли из леса. Гриня подпаском ходил два месяца, ездил на лошаде.

— Мы вас видели, когда вы сеяли. А вы нас видели?

— Когда?

— Да когда мы на угор шли?

— А, видели.

— Может быть, мы купим телевизор — зовут «Зорька». Как нашу корову.

Я спросил:

— Почему Сережу Чайкой прозвали?

— Он, как проснется, чайку просит: «Чайку, чайку бы».

Они наслаждались игрой с родным языком.

— Вы из птиц кого видели?

— Разных птиц на гнездах. Филина на копне. Видели вяхиря — дикого голубя с цыплятками. Голуби, большие такие, у деревни хомяка гнали — один сверху, двое с боков, третий сзади.

— В коробочку взяли.

Они засмеялись.

— В коробочку! По дороге прошла машина — спугнула вяхирей-то.

Лошадей по именам знали: Серко, Орлик, Ласточка. Гринина лошадь — Орлик.

Опаловое небо, теплый майский ветер на развороте сеялки рвет на куски мелодию Tee for to, «Чай для двоих». Жизнь прекрасна!

Мы все дальше отъезжали от «Спасибко-стройка». Володю еле слышно.

— Редчайшие-е-е записи-и-и — Юл Бриннер и Алеша Дмитриевич...

— Купите бублички, горячи бублички, — еле слышно поет Юл Бриннер. — Сестра гулящая — биять настоящая, а брат мой маленький — кармани вор...

Грачи — стильные птицы. У них ярко блестящие черные перья, белые клювы. Деловитые, как сейчас говорят, деловые, они двигались за тракторами, парили над полем, по-хозяйски расхаживали по свежей пашне. Особо одаренные перелетали вперед и ожидали трактор.

Один грач скакал по-воробыиному. Должно быть, он, из особо одаренных, лишился ноги, сунувшись под плуг или трактор. Мы прозвали его Сильвером. Грачи гнали его, и он тянулся к людям. Нас, пахарей и севарей, кормили бесплатно обедами и ужинами — мы их звали кремлевскими. Сильвер терпеливо ждал, когда привезут бачки с едой.

Репрессированный бензовоз Коля примчался, когда нам накладывали тефтели. В столовой же подавали гуляш.

— А я тефтели хочу, — орал Коля молоденькой поварихе.

— У меня тефтели по счету.

— А меня это не гребет! Я молодых девок люблю — я должен мясо есть! И чтобы они меня любили! Я бы и тебя полюбил. Но у тебя зубов нету, кусаться не можешь. Я на это дело хрен положил, что я не в списке! Меня кормить некому. У меня жена в больнице. Сегодня отвез.

Один раз нам на поле привезла обед Нина Александровна, жена Жана Марэ. Она на шестом месяце, в спортивном костюме, ластится к мужу.

— Давай разливай быстрее по тарелкам!

— Еще кричит...

Заплакала, ушла за трактор. Второе он положил себе сам. Закурил сигарету «Дымок». Пить чай не стал. Выкурил вторую сигарету, начал третью, но затоптал и пошел к трактору. Как они помирились, не знаю.

От редчайших записей Володи Спасибко мы отъехали далеко. Рядом с полем тракторист Зиновий Дмитриевич отгонял навоз от свинофермы, осуждая крепкий запах

не менее крепкими выражениями. Саша Ваганов прозвал его «навозным жуком». Почасовая оплата — 42 копейки за час.

Витя Серебров ищет хвощи — пистики, палкой разгоняет грачей, будто играет в городки. А Володя сигналил грачам: «Опасность!»

Саша кричит:

— Сильвера не трогать!

Вечером Витя говорит:

— Прощайте, грачи! До завтра.

Он любит жечь костры где попало, бросает их.

Я по-стариковски заметил:

— Не заботишься об экологии.

— Да ее очень много вокруг, этой вашей экологии.

Вечером Витя с Гороховым ловили черно-белого зайца. На ночь поставили в лесу банку под березовый сок.

Хорошая новость. Вчера поймали беглеца — сам вышел из бани. Народ говорит: «За побег добавляют три года. Мильта ударил — шесть лет дадут».

В сумерках идем домой. Мелкий дождь. Дорога глинистая — десять минут линет — техника вся встала. Продуло десять минут — опять можно работать. Как говорил Абатуров — главное, ввязаться в бой. Дорога в рисунках шин. Фары освещают край поля. Живописный бородатый дед на лошади. Карманы сильно оттянуты бутылками вермута.

Мост с калиточкой, загон для лошадей. Лошади в полутьме хрумали траву. Туман напал. Проселочная дорога светила в темноте. Лошадь, как в фильме Норштейна, мстами проступала в тумане, губами трогала ухо мальчика. Подняла голову и пристально посмотрела на меня.

— Здравствуйте! Вы меня помните?

— Конечно, Гриня.

— Это Орлик, — с гордостью сказал Гриня.

Ночью Саша говорил во сне тоненьким хазановским голоском:

— Отъезжай, отъезжай!

Руки гудят. Вытянешь их по одеялу — руки стонут, гудят. Отдает в левую часть груди. Почувствовал: и я могу умереть.

***

На следующий вечер у общежития пьяные. Основной репертуар — «Машина времени» и Высоцкий. Вышел Вася Сальников, тоже подвыпивший. Потом он из геологии ушел во внутренние органы. Говорили, до капитана дослужился:

— Валите отсюда, спать не даете.

— Афоня с ломиком, у тебя трактор на ходу?

— На ходу.

— Заводи!

Привезли каких-то салаг.

Драка начинается с запугивания:

— За мильта шесть лет дали, за тебя, сука, врежу по черепушке два разá, год дадут, не боле...

Вася, кажется, ударил первым. Но так в деревне нельзя. Пришел гость, какой ни есть, поговори с ним по-хорошему, ведь завтра вместе работать.

Прибежал Володя Сиринов:

— Мужики, Ваську бьют!

Спасибо:

— Игорь, за мной!

У меня в деревенских драках одна проблема — как сохранить лицо в прямом и в переносном смысле. Очки с большими диоптриями ношу с четвертого класса. Ведь один удар и...

Девочки закрылись и дрожат, бедняжки. Надо защищаться. Вышли наши и шофера с Нытвы. У нытвенцев старший Панспортсмен — приказчиье лицо с баками, футболка.

Тракторист держит заводную ручку, у салаг — штакетины.

По косолапой походке я узнал его — это наш Володя-матерщинник.

— Ну что, сколько вас — три, четыре, пять...

Это литературная запись.

— Володя!

По-русски: он утверждал, что вступил в интимные отношения с моей мамой, с моим и своим начальством, наконец, со своим трактором...

Я заорал:

— Кто тебе историю-то преподавал, Володя. Кто?

Он здорово удивлен.

— Ва-ле-рий Лео-ни-до-вич...

— Разве Валерий Леонидович учил тебя... этому?

Драка продолжала развиваться. Она стала разваливаться и расплзаться только, когда в дело активно влез Пан-спортсмен.

...Удар по лицу пришел ко мне по касательной. Фонарь под глазом, разбитое стеклышко и оторванная дужка очков.

***

Наутро Саша Ваганов примотал мне синей изолентой дужку, где-то раздобыл стеклышко, правда, с другими диоптриями. Девушки заклеили фонарь бактерицидным лейкопластырем.

Ждем, когда подвезут мешки с зерном. Витя Серебров разгадывает кроссворд:

— Горохов, это что за трава из твоего семейства, четырнадцать букв?

Слава:

— Читал приказ в конторе на пяти листах. Там меня в трех местах гребут.

Горохов перебивает:

— Если про тебя есть, значит, и про меня. Мы вместе ведь брагу пили.

— А кто тебя заложил?

— Есть такие товарищи. Но я еще не ознакомлялся с предыдущим протоколом.

— Ты-то от Абатурова отщелкаешься.

Витя Серебров сказал:

— Ты чего это, Славка, пьешь? Я, например, в посевную ни грамма не пью.

— И я не пью, когда пить нечего.

И отправился с Гороховым к нему домой попить заготовкооповского пивка.

Приехал Хомутов:

— Где Горохов?

Витя аж полез под сеялку прочищать канал.

— Где Горохов?

— За сигаретами ушел.

***

Стихотворение Евтушенко «Кто вам преподавал историю», посвященное Юрию Беликову, впервые напечатано в пермской газете «Звезда» от 27 июня 2011 года.

*Беспамятным во устыжение,
во просветление всех нас
горит звездочка Возженникова,
который столько юных спас.
Он был поэтом и учителем,
глазами тепел — не свинцов,
не усмирителем — мирителем
буйноголовых сорванцов.
Всегда поэзия серьезная,
где с Богом спорит ученик,
явление религиозное —
сквозь строки брезжит Божий лик.
Однажды шел по сельской улочке
былой пермяк, не впавший в спесь,
кто помнил то, чему наученный
он был Возженниковым здесь.*

*И вдруг увидел драку мрачную,
как говорят, «навеселе»,
и не прошел он, отворачиваясь, —
ведь все же был в родном селе.
Ему в знакомой сваре уличной,
где финку прячут в рукаве,
припомнился царевич в Угличе
на свежескошенной траве.
Провидя жертв новоопричнины,
дымился набрызг от ножа,
как ожерелие брусничное,
на белом горлышке дрожа.
А после — не мишени баночные,
что из-под печени трески, —
в подвалах выстрелы лубяночные
в затылки чьи-то и виски.*

*Так жизнь преступная ночная вся —
с хмельного зуда в кулаках.*

*Убийцы с драки начинаются
на пустырях и в тупиках.*

*И бывший ученик Возженникова
ворвался в свалку пьяных туш,
надеясь мало на возжжение
уже почти погасших душ.
«Вам кто преподавал историю?» —
вопрос хлестнул, как Божий бич,
и совесть вдруг из всех исторгнула:
«Валерий Леонидович!»*

*Они, наверно, лишку выпили,
не нанеся, по счастью, ран,
и монтаровки сами выпали
в неокровавленный бурьян.
И враз все замерли пристыженно,
разжали даже кулаки,
себе со вздохом не простившие,
какие были дураки.
Ну, слава Богу, что одумались.
А стольким драться невтерпеж,
и злоба пострашнее дурости
тех, кто хватаются за нож.
Как семечки, всех пришлых лузгая,
форсят убийцы напоказ,
и русских убивают русские,
когда и так все меньше нас.*

*Антихристията недостойные,
ужель бессмысленно, как встарь:
«Вам кто преподавал историю?» —
с креста кричать в безликость харь?
Не дай нам, Боже, расставания
с людьми такими на Руси,
чье имя драки останавливало
без мановения руки!*

Юрий Беликов в этом же номере «Звезды» указал, что историю о драке поведал ее «случайный свидетель». Но я был не свидетелем, а участником драки! Евтушенко почему-то считал, что я, «былой пермяк, не впавший в спесь», ученик Возженникова, хотя я старше Валерия на пять лет. В комментарии Юрий указывал, что я — «старый геолог», что правда. Не было финок, «набрызга от ножа», «свалки пьяных туш».

Милый, наивный Евгений Александрович, царствие ему небесное! Когда-то давно, в перестроечные времена, он написал стихи о женщине-азербайджанке, которая в Сумгаите бросила на землю платок, и резня буд-то бы прекратилась...

Гегель: «Крот истории роет медленно, но роет хорошо». Роет, конечно, но как медленно роет...

***

Приехал Хомутов:

— Товарищи, наш совхоз может выйти на третье место в Нытвенском районе по севу. Предлагаю сеять всю ночь.

Подошел ко мне.

— Вы с какого года?

— С тридцать шестого.

— Вам скоро «полтинник», значит. Вы держите?

— Постараюсь.

Следом «Нива» подъехала — Возженников меня нашел! Он тоже читал мои стихи в газете «Звезда». Лицо замечательное — открытое, из тех, к которым навсегда прилепляешься душой. Сразу перешли на «ты».

— Сеня, я баньку протопил! Столы накрыты! Поехали!

— Валера, ну как я поеду? На севе всегда «некомплект». Ты меня понимаешь. Мы еще встретимся...

— В шесть часов вечера после войны...

— Мы еще вернемся за подснежниками!

***

Луна закрыта облаками. Володя, склонив голову, смотрит только на границу вспаханной и неспаханной земли.

— Володя, что ты видишь?

Он с трудом подбирал русские слова.

— Это самое... по-другому... отвечает.

— Володя, ты и планета! Понимаешь? Петь хочется!

Утром приехал Хомутов, подошел ко мне:
— Еще одну ночь выдержите?
— Выдержу!
— Постараетесь или выдержите?
— Выдержу!

***

Потерял стекло от очков. Соорудил монокль, но рассчитываю больше на осязание. Все внимание на каналы — зерно и удобрение. Взошли знакомые созвездия. Слышен шелест листьев, что на березе уже с копейку. Рассвет вползал серым кроликом. Звезды таяли. Все!

Я чуть не упал, и упал бы, но Володя удержал. На лице что-то вроде улыбки. Он поехал заделать концы поля. О драке больше не вспоминали.

Нина Ивановна привезла хлеб, котлеты в бачке и водку. Ее разливали в двухсотграммовые граненые стаканы.

И мне поднесли.

— Я не могу. Я хочу спать.

— Как же это вы не выпьете за наши всходы?

Я выпил, и мне снова налили.

— За наши всходы!

— Не могу. Я сильно хочу спать.

Тракторист Постников сказал:

— А я в Перми, бывало, жду — не дождусь уборки. Сяду на комбайн: движок гудит, как труба, подборщик стрекочет, как кузнечик, зерно сыплется в бункер — будто листва шелестит.

Витя Серебров:

— Сеня, пойдём ко мне, банька еще не остыла. Вымоемся с яичной шампунью.

Оказывается, он знает, как меня зовут!

***

Меня не смогли разбудить. Я проспал больше суток. Наши уехали в Григорьевское. Я ушел напрямик на станцию Мокино. Там

на бревнах сидел пожилой человек, который внимательно рассматривал проходящие поезда. Он подвинулся, хотя места на бревнах было много.

— Мобилизованный?

— Так точно. А вы?

— Я пенсионер. Грибник. Люблю грибы в начале мая.

Пролетел мимо товарняк.

— Подшипник полетел. Раньше не было подшипников роликовых, были подшипники качения. С поездами ездили масленщики, кондуктора.

— Вы, наверное, железнодорожник.

— Я мечтал стать машинистом.

— А кем стали?

— Токарем.

— Где работали?

— Начинал в Москве.

— В Москве! Я жил в Колокольниковом переулке.

— Это на Сретенке.

— Дом номер восемь. Ближе к Трубной.

— А я работал в Филях. На 22-м авиационном заводе делали истребители. Видел Петлякова, видел Ворошилова. Перед самой войной я купил себе — ну сколько надо на костюм? Три метра? Вот три метра хорошего бостона и купил. Пошил себе костюм бостонный. Называли его почему-то майским. Так и не носил.

— Бомбили завод?

— О! Бомбоубежищ не хватало — укрывались в траншеях. Как раз на Фили шли самолеты. Москва горела — ночью все страшней кажется. Театр Вахтангова разбили — сцену разбитую видать было с улицы.

А тут и электричка подошла.

— Пошли, москвич.

***

Мне позвонила Надя Гашева, редактор и подруга моя.

— Валера Возженников у меня. Приезжай.

— Еду.

Он меня обнял. Так и сидели, обнявшись. Когда-то в детстве мы с другом Воликом

так же сидели, хлебали гороховый военный суп — он левой, я правой рукой. Такая дружба была — душа разрывается. Сейчас — я будто провалился сквозь толщу лет.

Будто бы о стихах Валерия писал Иосиф Бродский:

*В деревне Бог живет не по углам,
Как думают насмешники, а всюду.
Он освящает кровлю и посуду,
И честно двери делит пополам...*

И Евгений Евтушенко подметил в стихах Возженникова: «Мало кто писал о Боге так нежно, задушевно и запросто, словно о близком родственнике, которого любишь и уважаешь с детства».

Валера вспомнил о нашей первой встрече и прочитал:

*От передней, начальной межи,
Где когда-то, считаю, родился,
Я по этой тропинке во ржи
Вдаль пошел — и назад воротился.
И когда плыл закатный огонь,
Что с душой в этом поле творилось!
От любви задыхалась гармонь
И под голову милой ложилась.
И теперь, хоть молись, хоть грехи, —
Все родное пребудет со мною,
Будто я за тропинку во ржи
Заплатил всей дальнейшей тропею.*

И я прочитал стихи, написанные в ту пору, когда я составлял акты на потравы ржаного поля при взрывной сейсморазведке:

*И остаются скважины в земле,
Пробитые среди хлебов зеленых,
Да редкие колосья в колее,
Что насмерть встали из всех силенок,
Да облака — рисунки на полях*

*И росчерки пером рукою Пушкина,
Да тишина шальная на полях,
Что на шестнадцать строк в обрез
отпущена.*

Валера рассказал о том, как спрятался на палубе у шлюпки, чтобы увидеть облет американцами нашего теплохода, и как струя воздуха сорвала брезент со шлюпки. Так Джим Хокинс прятался в бочке из-под яблок, когда к ней прислонился спиной одноногий Сильвер.

Я рассказал ему о драке, что случилась весной 1983 года.

Мы раздухарились и тихо спели «Однозвучно гремит колокольчик», и Валера жалел, что нет гармонии:

*И умолк мой ямщик, а дорога
Перед ним далека-далека.*

Пермь-то на языке вепсов и есть «далекая земля», и казалось, как в юности, что дорога наша бесконечна, и жаль было, что не дружили мы с детства.

*Случайно встретясь, поглядим
В глаза друг другу и с восторгом
Вдруг оторвемся, улетим
И над чужой строкою воздрогнем.
Ну что ж, за волю и покой
Поднимем горькие стаканы
Над златокованой строкой
И над строкою златотканной.*

— Сеня, еще споем! У меня ведь юбилей скоро.

Он умер накануне своего дня рождения и выхода в свет новой книги. Упал головой в ворох стихов.

Помолчим.